

Кнехт и Дезиньори. Социокультурные роли человека интеллектуального труда

И.Т. КАСАВИН

Природа познающего субъекта является собой центральную проблему теории познания. При этом ей не всегда уделяется достойное место и ее обстоятельный анализ нередко заменяется постулированием некоторых абстракций или использованием расхожих представлений. Так, субъект познания обычно трактуется исходя из общего понятия человека (личности, индивида) в контексте известных оппозиций трансцендентального и эмпирического, индивидуального и коллективного, пусть даже формально и признаются его включенность в культуру, зависимость от пространственно-временных отношений, телесность и социальность. Как представляется, шаг от общепhilosophической категории человека как биосоциального существа в сторону эпистемологического понятия «субъект познания» может быть сделан с помощью разработанной типологии «человека по-

знающего», учитывающей многообразие его когнитивных способностей, культурных ипостасей и социальных ролей. Это в свою очередь предполагает социально-культурную онтологию индивидуального субъекта, которая выражает интересубъективную природу творческой деятельности.

Исторические замечания

На этом пути эпистемологии предстоит присматриваться к историческому изменению социальной роли интеллектуального труда сквозь призму того, что уже сделано в философии и науке в плане исследования познающего индивида различных типов. Речь идет о социологии и истории науки, в которой анализировался образ ученого¹; о культурологии, искусствоведении и художественной литературе², где немало внимания уделялось фигуре художника-творца, изобретателя и ученого-новатора; о социально-философской публицистике, поднимавшей проблему интеллигенции (традиция «Вех»); о социологии А. Шюца³ и теорий творческой деятельности⁴. Уже на этой основе возникает возможность выделения некоторых ключевых параметров, между которыми располагается значительная часть многообразия познающих субъектов. Таковы, в частности, оппозиции «интеллектуал» и «интеллигент», «публичный интеллектуал» и «университетский профессор», «профессионал» и «дилетант» и ряд других.

Интеллигенция как проект Петра I пробивала себе дорогу в России в особо неблагоприятном окружении, на что были специфические исторические причины. Так, в России отсутствовала сбалансированная конкуренция двух культур – монастырской и замковой, которая сложилась в Западной Европе. В России рыцари («богатыри», «казаки») не строили замков, а «гуляли по чистому полю», по «о(у)краине», «поляко-

¹ См., например: *Merton R. Sociology of Science*. University of Chicago Press, Illinois, 1942; *Price D.J. Little Science, Big Science*. N.Y. : Columbia University Press, 1971; *Ziman J. Why Must Scientists Become More Ethically Sensitive than They Used to Be?* // *Science*. 1998. № 282. P. 1813–1814; *Giddens A. Runaway World. How Globalisation is Reshaping our Lives*. L. : Profile Books, 1999.

² Имеются в виду известные образы от Фауста и Франкенштейна до доктора Моро и Сайреса Смита, а также художественные биографии в стиле Ирвина Стоуна или Владимира Карцева.

³ А. Шюц анализирует образ социального ученого и возможность социальной науки вообще.

⁴ *Касавин И.Т., Бескова И.А. Творчество* // *Энциклопедия эпистемологии и философии науки*. М., 2009.

вали», как замечательно показывает С.М. Соловьев⁵, в лучшем случае нанимаясь в дружину князя. Поэтому они не были самостоятельными культурообразующими фигурами, вокруг них не сложилось то, что было названо «куртуазной культурой» и что послужило истоком светской образованности, высокого искусства, науки. Поэтому русский интеллигент изначально выступал в образе «немца», противостоящего как монастырю, так и боярам – светским проводникам монастырской культуры. Одиноким опорой нарождающейся интеллигенции был просвещенный царь, отчего и единственной целью интеллигенции стало служение государю, но не Истине или Красоте. Если европейский ученый мог искать и выбирать себе суверена и покровителя во Фландрии, Бургундии, Пруссии, Богемии или еще где-то, то русскому интеллигенту можно было в крайнем случае лишь уйти в монастырь.

Французская революция всколыхнула и Россию, развитие русской интеллигенции благодаря декабристам и разночинцам получило новые шансы. Вероятно, эти два общественных движения, базируясь на разных социальных группах и системах ценностей, в дальнейшем сформировали два крыла русской интеллигенции, которые принципиально не могли найти общий язык. Это символически выразилось в том, что Октябрьская революция положила конец Серебряному веку, без которого она бы едва состоялась.

Русские философы стали проблематизировать понятие интеллигента как индивида и интеллигенции как социальной группы по следам разгрома революции 1905 г. Н. Бердяев, М. Гершензон, С. Булгаков, с одной стороны, и В. Ульянов-Ленин, А. Богданов, А. Луначарский – с другой, обвиняли те или иные слои интеллигенции в прямо противоположных грехах, иной раз почти теми же самыми словами. Интеллигент якобы погряз в непоследовательности и догматизме, невежестве и пустом любомудрии, трусости и отчаянности, служении власти и служении народу, корыстном прагматизме и витании в эмпиреях, бесконечных моральных исканиях и безнравственных компромиссах. Историческая судьба русской интеллигенции обусловила весомую ценностную нагруженность обозначающего ее слова. Ее ядро – неистребимое убеждение в ущербности «интеллигента» – человека в шляпе и очках. И. Бабель, как никто, выразил его в рассказе «Мой первый гусь» словами командира из Первой Конной: «Канитель тут у нас с очками и унять нельзя. Человек высшего отличия – из

⁵ Соловьев С.М. Чтения и рассказы по истории России. М., 1989. С. 249–255.

него тут душа вон. А испорть вы даму, самую чистенькую даму, тогда вам от бойцов ласка...» И если вообще можно говорить об ином, позитивном образе интеллигента, то он обязан классической русской литературе, благодаря которой слово «intelligenza» вошло в европейские языки – пусть даже наряду с «apparatchik», «dacha» или «sputnik».

Амбивалентность интеллектуала

В немалой степени из этой истории берет свои истоки представление о внутренней расколотости сферы духовного производства, выраженной в противостоянии интеллектуала и интеллигента; оно с замечательной ясностью выражено в статье Н.А. Бердяева «Философская истина и интеллигентская правда»⁶. Если интеллектуал занят поиском истины самой по себе, то интеллигент озабочен в первую очередь правдой как моральным аналогом истины (альтернатива «правды-истины» и «правды-справедливости», по Бердяеву). Сам Бердяев считал преодоление этого разрыва главной общественной задачей. Характерно, что авторы «Вех» вовсе не требовали от интеллигента затворничества в башне из слоновой кости. Однако они всерьез считали, что его место все же не на уличных баррикадах, а в его собственном социальном измерении – в сфере культуры. Именно при посредстве культурного творчества интеллигент может и должен выполнить свою основную функцию – генерацию художественных образов, нравственных максим, научных и философских идей, способных оказать влияние и на саму культуру, и на современный общественный процесс.

От знания-силы к знанию-власти

Известный лозунг Фрэнсиса Бэкона относился, как известно, в первую очередь к овладению природой через познание ее законов, хотя в те времена это звучало еще более утопично, чем сегодня. В XIX в. стала складываться иллюзия, что проект Бэкона если и не реализован полностью, то по крайней мере находится в стадии обозримого завершения. Вскоре на повестку дня стала выходить иная задача – как

⁶ См.: Вехи : сборник статей о русской интеллигенции. М., 1909.

обеспечить власть над социальными закономерностями и влияние на людей, причем в условиях, когда и внеэкономическое, и даже прямое экономическое принуждение утрачивали легитимность и эффективность. В этот период намечается отказ от классического понимания субъекта и субъективности как исходных факторов социальной практики.

Подобно тому как «Бог умер» (Ф. Ницше), исчезают субъект и автор; фактически воскрешается идея Д. Юма о личности как «пучке перцепций», выдвигается идея «расколотого Я»⁷. Объясняя эту трансформацию, М. Фуко приходит к мысли, что властные практики изначально и всегда конституируют как духовность, так и само тело субъекта, который оказывается вторичным и в этом смысле иллюзорным. При этом в книге «Надзирать и наказывать»⁸ он пишет о том, что власть и знание непосредственно пронизывают, взаимно предполагают друг друга, что отношения власти не существуют без установления соответствующего поля знания, что нет и знания, которое не предполагало бы и не конституировало бы в то же время отношений власти. Представляется, что археология Фуко все же на деле повествует о сегодняшнем дне; в первую очередь он показывает, что проблема познающего субъекта актуальна в наши дни, и вовсе не только в теоретико-философском, но и в самом практическом смысле. Идея «общества знания» как характеристики современного социума предполагает особую роль людей интеллектуального труда. Было бы, однако, трюизмом полагать, что эта роль исчерпывается производством когнитивного продукта – знаний различного рода. Право на интеллектуальную собственность представляет собой лишь фрагмент того реального влияния, которое могут и должны оказывать производители знания на совокупный процесс не только его создания, но также использования и распределения. Тезис о власти «людей знания» (интеллектуалов, интеллигентов, ученых, мудрецов) был сформулирован в виде утопического проекта еще Платоном. И он долгое время пребывал исключительно в платоновском же *topos noetos*, чтобы впервые начать воплощаться на грешной земле в наши дни и при этом в совершенно особом виде – технологизации социально-гуманитарного знания.

Обсуждение возможности «прихода знания к власти» не предполагает с неизбежностью смену правящих элит саму по себе (интеллигенты вместо аристократов или кухарок) или

⁷ См.: Лэнг Р. Расколотое «Я». СПб., 1995.

⁸ См.: Фуко М. Надзирать и наказывать. М., 1999.

повышение общего образовательного уровня (ныне в правительстве заседают люди с «верхним образованием» в отличие от формально недоучившихся полпредов и наркомов советской власти). Сегодня мы задаемся вопросом о том, в какой степени стандарты рационального мышления, новейшие научные данные, правила научного дискурса могут определять собой организацию общественной жизни в формальном и неформальном аспектах. Что представляет собой сообщество «людей знания»? Какими средствами оно обладает для переустройства общества? С какими проблемами сталкивается при этом?

Авторы сборника «Вехи» в начале прошлого века противопоставляли друг другу интеллектуала как творца и выразителя культуры, с одной стороны, и интеллигента как выразителя интересов народа, служителя «общественной пользы», «революции» – с другой. Похожая альтернатива – быть «социализированным ученым» (Р. Гук) или «ученым отшельником» (И. Ньютон) – сформулирована С. Шейпином на материале истории нововременной науки⁹. Трудно не вспомнить в связи с этим образы интеллектуалов из романа Германа Гессе «Игра в бисер». Человек интеллектуального труда стоит перед выбором – служить развитию культуры (Кнехт) или использовать ее для своей власти (Дезиньори). Примерно о том же, но с совершенно иной расстановкой акцентов говорит С. Фуллер, противопоставляя друг другу «интеллектуала» как участника публичного дискурса и «академика» как камерного университетского профессора¹⁰.

М.К. Мамардашвили придает этому различию социально-исторический характер¹¹. Субъект интеллектуального труда в эпоху классического капитализма был дистанцирован от остального народа, занимал исключительное положение и обладал монополией на истину, благо и красоту. Двадцатый век сделал его таким же наемным работником, как и всех остальных, а его продукт – знание, идеологию, высокое искусство, ценности – превратил в информацию, в товар. Отныне на место творческой личности приходит целая «индустрия» сознания, задача которой в опосредовании жестких социально-экономических структур, обеспечении социального общения, социального гомеостаза. Новая эпоха потребовала от интеллигента систематической работы по производству

⁹ См.: *Shapin S. The Mind Is Its Own Place. Science and Solitude in XVII Century England // Science in Context. 1990. V. 4, № 1. P. 191–218.*

¹⁰ См.: *Fuller S. The Sociology of Intellectual Life. L., 2009. P. 84.*

¹¹ См.: *Мамардашвили М.К. Интеллигенция в современном обществе // Проблемы рабочего движения. М., 1968.*

«идеологических механизмов», кодирующих, программирующих, манипулирующих сознанием и – через сознание – управляющих поведением людей. Отсюда возникает и потребность в массовом и рутинном духовном производстве такого рода, «печатающем» образцы и клише, хранящем, перерабатывающем и распространяющем их с использованием всех достижений интеллектуальной рационализации и технологии. Необходимый для этого «стандартизированный массовый интеллектуальный труд», по словам М.К. Мамардашвили, удовлетворяется взаимозаменяемостью его исполнителей, шаблонным воспроизводством уже имеющихся «образцов» в массовых масштабах, что задает новый формат интеллектуального труженика. Последний уподобляется «частичному рабочему» на сборочном конвейере, школа превращается в «фабрику знания», а университет – в «кузницу кадров».

В этих условиях творческий индивид сталкивается с серьезными трудностями самоопределения, обнаруживает себя на распутье. Он может позиционироваться как «традиционный интеллигент», сохраняющий особую позицию в обществе, служащий «вечной культуре», но тогда он рискует «отстать от времени», впасть в ностальгию и мистику. Но он же в состоянии стать «органическим интеллигентом», пойти на службу современной цивилизации и заняться претворением в жизнь технократических проектов при посредстве социальной инженерии. В этом тоже кроется опасность: риск потерять себя в наличной социальности в качестве винтика бездумной общественной машины¹².

Сходными терминами пользуется М.А. Розов для характеристики познавательных процессов в рамках своей теории социальных эстафет. В качестве основы деятельности и коммуникации он выбирает воспроизводство образцов и рассматривает социальные институты и даже отдельных индивидов как «куматоидов» – ретрансляторов социальных волн. То обстоятельство, что творческий индивид исчезает в социальных эстафетах, М.А. Розов компенсирует тезисом о том, что «интеллигентность – это не владение, а служение». Культурная память одновременно является и творчеством, сохранить – значит изменить, ибо буквальное воспроизводство невозможно в многообразном и изменяющемся контексте. «Любой наш шаг, любой поступок, любое произнесенное слово, с одной стороны, воспроизводит, а с другой – задает со-

¹² М.К. Мамардашвили вводит понятия «традиционной» и «органической» интеллигенции со ссылкой на А. Грамши.

циокультурные образцы, представляя собой акт жизни Культуры, – пишет он. – Все, что делается, делается так или иначе в контексте существующих образцов, а все, что сделано, высказано, записано, стало прошлым, входит в свою очередь в универсум Культуры, приобретает функции образца и определяет в той или иной степени дальнейшую жизнь людей. Интеллигентен тот, кто понимает это и осознает свою ответственность»¹³. Впрочем, остается сожалеть о том, что функцию образцов обретает любой акт деятельности и коммуникации. В таком случае выбор между ними становится не просто трудным и рискованным делом, но почти невозможным, и амбивалентность интеллектуала оказывается его сущностным состоянием.

Как мне представляется, дилемма знания–власти разрешается следующим образом. В первом варианте интеллектуал, служа власти, добиваясь власти, переориентирует себя на цели и ценности, находящиеся вне сферы культуры. Культура подчиняется цивилизации, однако последняя также трансформируется: она обретает разум и язык, которые делают возможным не только манипуляцию сознанием, но и коммуникативный дискурс. И напротив, служа культуре, интеллектуал сознательно дистанцируется от власти и противопоставляет ей себя. Ту же власть над умами, которую интеллектуал может приобрести взамен, он призван использовать не к своей личной выгоде, но во имя развития самой культуры, как средство развития интеллектуального потенциала всего общества. В таком случае цивилизация подчиняется культуре, однако лишь в той мере, в которой культура обретает вид масс-культуры – понятной для массы и полезной для власти. И здесь вновь вспоминается мысль М. Фуко о безличном взаимопроникновении знания и власти, в котором фактически нет различия между воздействием цивилизации на культуру и культуры на цивилизацию. Картина социальности в обоих случаях практически едина; выигравшим или проигравшим может быть только отдельный индивид, обретающий посредством своего экзистенциального решения биографию и судьбу.

Публичный интеллектуал

В целях анализа онтологии творческой деятельности мы в свое время сформулировали понятие индивидуальной куль-

¹³ Розов М.А. Рассуждения об интеллигентности, или Пророчество Бам-Грана // Вестник высшей школы. 1989. № 6. С. 19.

турной лаборатории (ИКЛ)¹⁴. В ИКЛ по-разному задействованы разные типы социальности познания. Внешняя социальность представляет образ объекта в его отношении к человеку в форме исторически определенного предпосылочного знания (картины мира, например). Внутренняя социальность, наоборот, непредметна, она содержит формы познавательного общения, присущие той конкретно-исторической общности, относительно которой самоопределяется субъект. Эти формы общения выступают в знании в качестве интерсубъективного набора методов, норм и идеалов исследования. Наконец, открытая социальность – это также сфера общения, но уже не социально-коллективного, а индивидуально-рефлексивного, в котором субъект коммуницирует со всем доступным многообразием культуры и сравнивает между собой различные формы внешней и внутренней социальности, свободно выбирая из них то, что ему ближе. Прошлое как прошлое, прошлое как соединение в настоящем прошлого и будущего и прошлое как будущее – эти три временные ориентации формируют соответственно три этапа развития ИКЛ, субъекты которых занимают соответственно позиции инициатора, медиатора и наследника культуры. Жизнь в затворничестве ИКЛ, затем установление внешнесоциальных связей и привлечение к своей ИКЛ других и, наконец, превращение ИКЛ в традицию – таков путь превращения творческого индивида в культурного героя. Смыслы, выработанные когда-то в сфере ИКЛ отдельным индивидом, прорабатываются затем другими как культурные символы на уровне внутренней социальности и превращаются в итоге в архетипы, окаменевающие в качестве элементов социальности внешней. Так событие индивидуальной судьбы становится схемой деятельности, чтобы затем обернуться музейным экспонатом. «Вина Эдипа», «тревога Авраама», «эйдосы Платона», «элементы Бойля», «капитализм Маркса», «бессознательное Фрейда», «относительность Эйнштейна» – это все примеры социальных ситуаций производства знания, соответствующие многообразию персонажей мировой культуры. Их образы запечатлели индивидуальный культурный опыт в процессе разрешения вечных экзистенциальных и идейных коллизий, опыт, ставший общественным достоянием.

На этой основе мы можем переосмыслить уже упомянутую фигуру публичного интеллектуала. Притом что к нему

¹⁴ См.: *Касавин И.Т.* Миграция. Креативность. Текст. Проблемы неклассической теории познания. СПб., 1998.

относятся все характеристики творческой личности, его отличает одна особенность: миграционная интенция в нем доминирует перед оседлой. Он не превращает свои идеи в традиции, а в ипостасях культурного героя ему ближе всех образ трикстера. Индивидуальный мир творчества является для него парадоксальным кентавром: это замкнутый мир, реализующий себя лишь в выходе за свои пределы; дом, состоящий из дверей и окон; территория, границы которой всякий раз уже ее самой.

Небольшой пример, демонстрирующий в наши дни новые оттенки старого пушкинского вопроса о совместимости злодейства и гения, позволит пояснить нашу мысль. В 2001 г. американский публицист Марк Ли́ла становится знаменитым благодаря своей книге «Отчаянные головы». По форме она представляет собой довольно популярное историко-философское исследование, посвященное ряду европейских мыслителей XX в. (М. Хайдеггер, К. Ясперс, Х. Арендт, К. Шмидт, В. Беньямин, А. Кожев, М. Фуко, Ж. Деррида)¹⁵. Однако по содержанию это замечательный пример «фельетонного стиля» (Г. Гессе), задача которого формулируется так: показать, что наиболее прославленные философы современности были отъявленной сволочью¹⁶. Автора интересует не содержание их учений, оно полагается известным; главное – их связь с политикой и, следовательно, соглашательство и приверженность той или иной по определению порочной идеологии. Похоже, что в этом видится существенный фактор их известности, читай – скандальности. Конечно, отчасти философов извиняет реальная угроза жизни в условиях того или иного тоталитарного режима. Однако как же объяснить тот факт, вопрошает Ли́ла, что тирании поют осанну и те интеллектуалы, которым практически ничего не угрожает и которые вольны писать, что они хотят?

В поисках ответа воздержимся от обвинений в банальной корысти и допустим, что интеллектуал в первую очередь озабочен, во-первых, выдвижением и, во-вторых, продвижением своих идей. В условиях современной конкуренции и омассовления интеллектуального труда и первая, и в особенности вторая оказываются достаточно ресурсоемкими задачами. Идеи становятся популярными или маргинальными благодаря нали-

¹⁵ См.: *Lila M.* *The Reckless Mind: Intellectuals in Politics*, N.Y., 2001.

¹⁶ См.: *Goldblatt M.* *Dangerous Thinkers: 20th-century Philosophers' Love Affair with Totalitarianism* ("The Reckless Mind: Intellectuals in Politics". Book Review) // Reason. 2002. Oct. 1.

чию или дефициту ресурсов. И иначе не может быть в этом мире, где каждая идея реально окружена массой других, готовых оттеснить ее интеллектуальных продуктов. Это хороший повод для социально-эпистемологической рефлексии, результат которой может быть сформулирован так: нет ни одной идеи, невинной в участии других. Отсюда и роль публичного интеллектуала, призванного минимизировать незаслуженные преимущества той или иной идеи: «Задача публичного интеллектуала, тем самым, ясна: конструировать ситуации, позволяющие восстановить баланс и пересмотреть случаи, которые были закрыты на слишком долгое время»¹⁷. Речь идет о постоянной критике авторитетов и одновременно о поиске, воскрешении из забвения альтернативных взглядов – в истории данной дисциплины, в меж- или трансдисциплинарном пространстве. В связи с этим Фуллер именуется его «агентом дистрибутивной справедливости» и «профессиональным кризис-менеджером».

Публичный интеллектуал выходит тем самым за пределы спора между Кнехтом и Деиньори, понимаемого буквально. Он служит не власти, но открытой социальности, т.е. культуре, пусть для этого и вынужден использовать особые социальные технологии воздействия на общественное мнение, не замыкаясь в башне из слоновой кости. Эмиль Золя своим заявлением «J'accuse!» по делу Альфреда Дрейфуса буквально взорвал интеллектуальную атмосферу Третьей Республики, и при этом он не был политическим террористом, поскольку верил в силу пера, а не шпаги. Публичный интеллектуал по определению парадоксален, ставя перед собой непопулярные цели и используя непопулярные методы наряду с популярными. Галилей с готовностью обращался за поддержкой и к Филолаю, и к Аристотелю, демонстрируя этим открытость культуре в ее полном объеме. Поскольку публичный интеллектуал не примыкает догматически ни к одной политической партии или традиции, он рискует постоянно, а не только тогда, когда его социальная база претерпевает кризис. Он должен реагировать на ситуацию немедленно, и отсюда специфический стиль его работы: доминирование устного слова перед письменным, импровизации перед докладом и трактатом. При этом он, не пренебрегая возможностями академической науки, смело выходит за ее пределы: использует сетевые публикации как аналог устной речи, живого творческого дискурса¹⁸, скептически

¹⁷ Fuller S. Op. cit. P. 107.

¹⁸ См.: Bourget D. Paperless Philosophy as a Philosophical Method // Social Epistemology. 2010. № 4.

оценивает систему рейтингов, импакт-факторов и рецензируемых журналов¹⁹, иронизирует по поводу иерархических и бюрократических структур интеллектуального производства. Возникает вопрос: не оказывается ли так понимаемый публичный интеллектуал именно тем идеалом познавательного субъекта, который соответствует современному «обществу знания»?

Итоги

Онтология и эпистемология субъекта – вещи взаимодополнительные, подобные сущности и существованию, материи и форме. Акцент на онтологии требует рассматривать субъекта как примат сущности над существованием, как процесс детерминации познания со стороны внешней и внутренней социальности – факторов, независимых от воли отдельного индивида. Эпистемологический взгляд, напротив, усматривает в субъекте то, как его существование предшествует сущности, т.е. как процесс и результаты познавательной деятельности задают контуры социальности и ландшафт культуры. Это и есть те концептуальные рамки, в которых аполитичный творец и публичный интеллектуал, амбивалентный интеллигент и карьерный ученый, представитель истеблишмента и маргинал обретают свое время и место. При этом за каждым остается право возвысить свою субъективность, выпрыгнуть из нее так, чтобы она отразила в себе «трещину мира», боль социокультурной реальности. Одновременно творческая субъективность сохраняет шанс заставить эту реальность заговорить ее голосом, воплотить в себе ее идеи, оформиться по ее воле. И потому Кнехт и Дезиньори в каждом из нас обречены на диалог, смену позиции рефлексии и видов деятельности в контексте наличной социальности и многообразия культуры.

¹⁹ См.: *Lipworth W., Kerridge I. Shifting Power Relations and the Ethics of Journal Peer Review // Social Epistemology. 2011. № 1.*